УДК 94

Любовь ШИШЕЛИНА

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ТРЁХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. В 2019 г. страны Центральной Европы отмечают тридцатилетие со времени смены политической системы. В последнее время чаще всего анализ событий сводится к самому характеру революций, акцентируется их системный антикоммунистический характер, подчёркивается преемственность антирежимных выступлений в этой части Европы во второй половине XX века. Автор статьи впервые предпринимает попытку комплексного анализа трансформационных процессов, не только выделяя наиболее существенные достижения этих стран в сферах экономики, внутренней и внешней политики (так же как и непоследовательность в области социальной политики и идеологии), но и рассматривая произошедшие изменения с точек зрения трёх сторон: Западной Европы, общественно-политическую и хозяйственно-экономическую модель которой эти страны в конце 1980-х гг. выбрали в качестве конечной цели начавшейся после слома старой системы трансформации; России, с которой они некогда составляли единый политический и экономический союз; Будапешта, Варшавы, Праги и Братиславы, имевших возможность за три прошедших десятилетия скорректировать свою позицию по ряду вопросов конвергенции. Особое внимание уделяется исследованию этапов становления внешней политики “четвёрки”, её отношений с ЕС и Россией с учётом влияния международного экономического и политического климата на конкретные решения или их корректировку. Впервые предпринимается попытка проанализировать феномен Вишеградской группы с точки зрения региональной модели интеграции на мультикультурном пространстве, формировавшемся как единое целое, а затем разделённом между новыми субъектами государственности. С этой точки зрения модель мягкой вишеградской интеграции может быть интересна для России и других сложно-составных государств.

Ключевые слова: Вишеградская четвёрка, Вишеградская Европа, трансформации, реформы, международные отношения, двусторонние отношения, Венгрия, Польша, Словакия, Чехия.

© **Шिशелина Любовь Николаевна** – доктор исторических наук, заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** l.shishelina@gmail.com

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-31594 “Современные политические тенденции в Центральной Европе: уроки и вызовы для России”.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620194856>

В год празднования тридцатилетия начала транзита в центральноевропейских странах эксперты и аналитики всё чаще задаются вопросом: можно ли рассматривать достигнутое ими в ходе пройденного исторического пути как некий трансформационный итог, который хотя бы в общих чертах совпал с представлениями революционно настроенной части общества и в той или иной степени устраивает сегодня страны региона? Или же они все ещё находятся в процессе адаптации к условной западноевропейской модели?¹ Или формируют свою собственную региональную модель развития?

От асимметрии к равноправной конвергенции

Поскольку речь идёт об особом регионе Европы, где смешались этнокультурные, историко-политические и иные особенности двух частей континента, вновь находящихся сегодня в “ценностном” противостоянии, на вопросы, поставленные нами, трудно ответить однозначно. Западные государства, которые смотрят на регион к востоку от них всё ещё с чувством превосходства (которое свойственно, скорее, отношению к неопитам), пытаются сегодня оценивать три минувшие десятилетия для этих стран как “догоняющее развитие”, критиковать их за уклонение в ряде случаев от “западных ценностей”, давать советы, навязывать нормы, угрожать санкциями. Эта шкала оценок наиболее строгая, поскольку предлагает ориентацию на определённую модель, сформированную в ходе уникального трансатлантического (романо-германского и англосаксонского) исторического опыта, опирающегося на совокупность традиционных именно для этих культур ценностных ориентиров. К тому же, страны Центральной Европы совершенно сознательно сделали выбор в пользу западной модели в начале 1990-х гг. и, подавая заявку на вступление в Европейский союз, обязались не только модифицировать свою политическую, экономическую, юридическую систему и иные сферы жизни, но и фактически вписать её в сложившуюся схему, инкорпорируя в свою правовую и регулируемую систему сложившиеся в Западной Европе нормы. Т.е. добровольно согласились играть по правилам интеграции, к которой они присоединялись [Шишелина, 2006].

Формально эти страны уже 15 лет являются членами Европейского союза и 20 лет – членами НАТО. Т.е. по внешним признакам вопросов об их принадлежности системе и модели не возникает. Что касается ситуации внутри стран, то, во-первых, здесь нет совершенно одинаковых ситуаций, а во-вторых, с самого принятия решения о приёме этих стран Европейский союз научился работать с ними по схеме “условного соответствия”. Это, несмотря на принятые критерии приёма, как показывает время, вполне допустимая практика в Европейском союзе. Не-

¹ Здесь можно опереться на дискуссии в рамках нескольких центральноевропейских конференций, в которых автор принял участие в 2019 г.: “1989–2019: 30 Years After: Central Europe in a Global Context”, Kőszeg, Hungary, June 30–July 6, 2019; “The Europe of Tomorrow. ‘Strong’ Meaning What?”, Krynica, Poland September 3–5, 2019; “Fault lines and Frontlines of European Transformation”, The 4th Blue sky conference in Budapest, nov. 7–10, Budapest, etc.

смотря на некий единый стандарт, все страны, присоединявшиеся к ЕС, имеют свои особенности. Это и монархии, и президентские, и парламентские республики. Нельзя сравнивать экономики Германии и Греции. На традиции опираются многие параметры реального функционирования этих государств. Если рассматривать темпы развития центральноевропейских стран среди всех 28 членов европейской интеграции, то по большинству показателей они выглядят вполне “по-европейски”.

По последним данным Eurostat¹ рост населения в Чехии и Словении превышает средний по ЕС. В Словении также выше среднего продолжительность жизни, тем не менее ни одна из центральноевропейских стран не является целью миграционных потоков. Также в Чехии и Словении ниже среднего по ЕС уровень безработицы, хотя эти государства не находятся в верхней части списка наиболее богатых стран Европы. В пересчёте ВВП на душу населения в Евросоюзе остаются большие различия. Самым богатым является Люксембург. На другом конце шкалы стоит Болгария с показателями в пять раз меньше. Выше среднего уровня ВВП Германии, Финляндии и Франции. Менее благополучными являются страны на юге и востоке. На Чехию приходится 90% от среднего по ЕС показателя, на Словакию – 76%, на Польшу – 70%, на Венгрию – 68%.

Доля государственного бюджета в национальном ВВП является самой высокой во Франции и Скандинавии. Ниже она в основном в посткоммунистических государствах, включая Чехию, а также в Великобритании и Ирландии. Большая часть государственных расходов направляется на социальное обеспечение.

Сюрпризом явилось то, что Венгрия находится в этом плане на первом месте среди стран ЦЕ и на десятом в списке ЕС, то есть выше среднего уровня среди 28 государств. На эту позицию она вышла в значительной мере благодаря отчислениям в сферу образования и государственного обслуживания (*general public services*), отставая в сферах социальной защиты и здравоохранения. В социальной сфере её обошли Словения, Польша, Эстония и Словакия, хотя по этим показателям и они не приблизились к среднеевропейскому уровню. В области здравоохранения лучше, хотя и ниже среднего уровня, ситуация в Чехии, Словении, Словакии, Эстонии и Литве. На последнем месте по всем параметрам находится Ирландия и рядом с ней, в том или ином порядке, Румыния, Латвия, Болгария.

Между государствами союза также существуют различия в уровне цен. Наиболее высокие цены на севере, немного дешевле на юге и востоке. Между тем самые большие различия отмечены в стоимости жилья. Суммарно жизнь в Чехии считается шестой по дешевизне среди всех государств Евросоюза.

Таким образом, страны Центральной Европы в целом сумели занять достойное место в Европейском союзе и по ряду параметров даже смогли обойти многие его государства-члены.

¹ EU v číslech: půl miliardy stárnoucích lidí, čtvrt miliardy aut, drahota na severu. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/svet/2958869-eu-v-cislech-pul-miliardy-starnoucich-lidi-ctvrt-miliardy-aut-drahota-na-severu>.

В плане политическом и правовом реформы проводились со времени подачи заявок, т.е. примерно с середины 1990-х гг. по дорожным картам, созданным в Брюсселе. Однако на момент вступления в ЕС не все требования странами-кандидатами были выполнены, как не выполнены они и сегодня, хотя напряжённая работа по совмещению моделей в этой сфере продолжается [Вишеградская четвёрка, 2017]. Здесь достаточно вспомнить нашумевшие в Венгрии законы о печати, верховных судьях, Конституции страны, а затем и аналогичный процесс в Польше, к которой появились множественные претензии с момента победы на выборах в 2015 г. партии “Право и справедливость” Ярослава Качиньского [Центральная Европа, 2018].

За три десятилетия неоднократные изменения переживала как сама система выборов, так и структура законодательных и исполнительных органов власти центральноевропейских стран. В целом они шли по пути упрощения и удешевления громоздких процедур и органов, возникших тридцать лет назад на стихийной волне демократического строительства. Так, в Венгрии в два раза уменьшилось число депутатов Государственного собрания. В Польше и Чехии не первый год на обсуждение выносятся вопрос ликвидации верхних палат парламентов, роль которых имеет скорее представительный и комплементарный характер.

Первоначальное попури из отечественных и западноевропейских правил в сферах приватизации, управления предприятиями постепенно обрело систему. В области приватизации нормальным явлением стало огосударствление или ограничение прав иностранных собственников. Первоначально радушное и облегчённое отношение к иностранным инвесторам сменилось прагматичными мерами. Хотя стоит отметить, что часть таких мероприятий, связанных с оптимизацией роли и места иностранного капитала, вызывала со стороны западноевропейских политиков критику и даже нападки, порой реализуемые через центральные органы Европейского союза. Особенно тяжело восприняли в Брюсселе уравнивание в налогообложении иностранных компаний в Венгрии, отказ вишеградских государств от приёма беженцев, и т.п.

Это углубило, наряду с вышеперечисленными противоречиями, конвергенционные расхождения между государствами Западной и Центральной Европы, продемонстрировало отсутствие понимания в Брюсселе специфики положения этих государств, первостепенной целью которых изначально было достижение уровня социального развития своих западноевропейских партнёров [Jensen, 2018]. Неконтролируемый приём беженцев угрожал им не только дополнительными бюджетными тратами, но и размытием идеологического базиса, строительство которого – в отличие от экономического и правового – шло не так быстро и не столь поступательно, поскольку его цели изначально чётко обозначены не были, кроме как выход из коммунизма. Эта зыбкая сфера ориентировалась преимущественно на традиционные национальные установки и одновременно на общеевропейские христианские ценности (христианско-иудаистские)¹, совмещаясь с политикой памяти. Нарастали

¹ Выступление госсекретаря Венгрии Саболча Такача на 4-й конференции “Blue sky” в Будапеште 8 ноября 2019 г.

опасения, что вмешательство чуждой региону мусульманской компоненты мешает этому процессу. Если для западных стран с устоявшейся идеологией и крепкой правовой системой эта проблема сводилась в основном к социальной и экономической сфере, то для стран Центральной Европы она представляла угрозу формированию национальной политико-идеологической среды.

Говоря о значении революций 1989 г., западная пресса и западные политики подчёркивают их первостепенное значение в свержении коммунизма и “диктатуры Москвы”, уделяя меньше внимания анализу самих трансформационных процессов. Это в целом ложится в современную парадигму отношения к России. Присутствует также осуждение политических режимов, сложившихся в Венгрии и Польше (при этом, что они являются продуктом свободного избирательного процесса), и на этой основе делается заключение об откате от идеалов демократии без учёта того, что весь мир, и Запад, и отношения между его частями прошли за это время определённую эволюцию.

Сегодня всё больше бросается в глаза, что обе стороны не боятся критиковать друг друга (в то время как в 1990-е гг. острой критики избегали, опасаясь остудить решимость и Востока и Запада пойти на союз). В настоящее время альтернативы европейской интеграции для центральноевропейских стран нет, а, как и в любой семье, стороны время от времени бранятся, но всегда выступают в защиту неких своих общих интересов. И чем дольше длится этот союз, тем принципиальнее могут быть выяснения позиций, однако до появления более привлекательной альтернативы их решимости оставаться вместе ничто не угрожает.

Взгляд из России

Оценка трёх десятилетий трансформаций в центре Европы имеет ряд принципиальных особенностей. Сохраняется сильная эмоциональная сторона. Как и 30 лет назад присутствует ностальгия по социалистическому содружеству (хотя преимущественно только у старшего поколения); обиды за “измену”, когда бывшие друзья ушли к классовым и идеологическим противникам; корректировки в оценке событий 1956, 1968, 1980 гг. С другой стороны, рассуждения о славянском родстве, на фоне которого формируются обманчивые представления о готовности части стран вернуться в лоно России либо построить с ней более близкие отношения. Российские представления страдают двумя недостатками. Во-первых, минимум информации о реальном состоянии дел в этих странах; к тому же она часто заимствуется из западных источников. Во-вторых, слабая осведомлённость является причиной того, что желаемое нередко выдается за действительное. Мифологизация этих стран, которые порой представляются как жертвы Запада, “схваченные его цепкими руками” и удерживаемые помимо своей воли в евроатлантическом лагере, берётся за основу политики и пропаганды в отношении них. Между тем центральноевропейские элиты чрезвычайно прагматичны и могут использовать любые сантименты и исторические повороты для обоснования выгодных для их стран экономических решений. Они прекрасно владеют ресурсом своего геополитического положения и, не входя в высшую лигу глобальных игроков, могут

умело манипулировать интересами крупных держав, извлекая из этого обстоятельства экономические преимущества для региона. Конкретный пример – участие в современной санкционной политике. Ради получения выгодных сделок они способны осуждать антироссийские санкции в ходе переговоров с Москвой, чётко понимая при этом, что уже связаны строгой системой обязательств с Европейским союзом и НАТО.

В России исследованиями проблем трансформаций и ситуацией в центрально-европейских странах занимаются мало, в то время как уже не первое десятилетие Центральная Европа служит одним из стратегических направлений политики Китая, своеобразной “базой ad hoc перед трансатлантикой”. До небывалых высот увеличил поддержку польской концепции Триморья американский президент Дональд Трамп.

Российским исследованиям не хватает внятной терминологии. До сих пор используется устаревшая калька с английского – “Центральная и Восточная Европа”. Нет региона Центральной Европы в последней концепции внешней политики России. Нет последовательности и в определении сути событий, а именно того, что произошло в этих странах 30 лет назад и как к этому относиться.

Наши экономисты вносят немалый вклад в анализ специфики региона. Так, Анджей Габарта делает вывод о наличии особой центральноевропейской экономической модели [Nabarta, 2019]. Алексей Дрыночкин обращает внимание на тенденцию в развитии вишеградского экономического рынка [Вишеградская Европа, 2010]. Анатолий Бажан отмечает высокую динамику экономических реформ в вишеградских странах на фоне ЕС [Бажан, 2019].

О тридцатилетии событий в Центральной Европе вспомнили в фонде Горбачёва на конференции в Риге “1989: драма ожиданий. Демонтаж коммунизма и посткоммунистическое тридцатилетие”. Мероприятие было организовано политиками либерального направления и рядом немецких фондов. Удручающим для них выводом стал провал либерализма, который поначалу служил основной движущей силой смены систем, но к концу 2000-х гг. прочно ушёл в тень. “Тридцать лет спустя конкуренция моделей социально-политического развития вновь оказалась на повестке дня” [1989..., 2019].

Мы же (автор и Вишеградский центр Института Европы РАН) в ряде своих работ подчёркивали, что главный итог перемен – то, что эти страны стали другими – не такими, как замышлялось. Они не переняли полностью западную модель, и тем самым инициировали начало симметрии в процессе конвергенции. 7-я экономика Европы и 15-я мира – это немалая заслуга вишеградских стран [Marušiak, J., 2013] за три десятилетия реформ.

Центральноевропейские самооценки

Центральноевропейские страны в 2019 г. одна за другой отмечали важные события 30-летней давности, открывшие им путь в новую жизнь. От прорыва железного занавеса на австро-венгерской границе до падения Берлинской стены, бархатной революции в Праге и совсем не бархатной в Румынии. Так совпало, что наряду

с воспоминаниями о романтике и надеждах тех дней, в Праге собравшиеся на манифестации граждане потребовали от премьер-министра А. Бабиша оставить свой бизнес, как он и обещал в ходе предвыборной кампании. В речах и оценках самих центральноевропейцев наблюдается не только вполне заслуженная героизация событий тех дней, но и относящаяся к современному моменту политизация.

Выступая в Праге на торжествах по случаю 30-летия бархатной революции, принимавший в ней активное участие венгерский премьер-министр Виктор Орбан сказал: все эти годы нашей целью не было построение альтернативы коммунистической идеологии, мы строили общество, в котором уважают каждого человека [Orban, 2019]. Важным достижением стало то, что “Центральная Европа перестала быть просто географическим понятием, а превратилась в экономическую и культурную реальность”.

На фоне статистики, конечно, есть и другие факторы, определяющие сегодня жизнь Центральной Европы. Известный венгерский экономист и оппонент правительства Ласло Чаба в своей новой книге “Кризис – экономика – мир” обращает внимание на большую уязвимость Центральной Европы, с которой она сталкивается и будет сталкиваться в ближайшее время по причине открытости рынка и вовлечённости в мировое хозяйство, миграционных потоков и финансовой нестабильности [Csaba, 2018].

Меньше споров вызывает трансформация внешней политики. Общества в целом позитивно оценивают преимущества членства в ЕС и не видят альтернативы НАТО в обеспечении своей безопасности. Однако самым выдающимся и безусловным достижением региона можно считать создание 28 лет назад субрегиональной интеграции – Вишеградской группы. Это, по сути, новый образ жизни для центральноевропейцев, так и не дождавшихся в своё время от вершивших их судьбу держав конструктивных предложений по разрешению проблемы эффективного и мирного сосуществования народов бывшей Австро-Венгерской империи. Эта интеграция по своей сути не похожа ни на какие другие, хотя в своё время имела попытку передать опыт Бенилюкса Венгрии, Польше и Чехословакии. У структуры нет ни адреса, ни секретариата. Она держится сугубо на ответственности лидеров и воле народов. За свою историю, также неуклонно приближающуюся к 30-летию, она пережила периоды застоя и полураспада, и сейчас для неё наступили нелёгкие времена, особенно под натиском более масштабных планов Триморья и китайской инициативы “17+1”. Однако эта гибкая, скорее ментальная интеграция, существующая лишь в календаре руководителей четырёх государств, неуклонно эволюционирует в сторону упрочения солидарности. Этому тренду, а конкретно созданию регионального взаимопонимания и идентичности, сближению молодого поколения центральноевропейцев и прививанию ему новых ценностных ориентиров, активно способствует единственная структура организации – Вишеградский фонд, который в 2020 г. отметит своё 20-летие.

* * *

В каком бы ракурсе мы ни анализировали сегодня итоги трёх десятилетий, с какой бы из предложенных нами в начале статьи вершин ни рассматривали произошедшее, налицо существенные перемены. Они повсюду: в сознании, в способе хозяйствования и в стиле жизни. Возможно, что главные испытания и сдвиги для Центральной Европы ещё впереди. Однако важно, что она достойно прошла путь длиною в три десятилетия, найдя способ существования без межэтнических и межгосударственных конфликтов, в которые в прошлом веке затягивала весь остальной мир. Она осуществила идею Центральной Европы, к которой подступалось не одно поколение наследников второй крупнейшей континентальной империи мира. Эта идея воплотилась в новой форме межгосударственной интеграции, которую сегодня представляет Вишеградская группа, имеющая все задатки стать ядром нового центральноевропейского процесса.

Список литературы

Шишелина Л.Н. (ред.) (2010) *Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии*, Весь Мир, Москва, Россия.

Шишелина Л.Н., Габарта А.А., Дрыночкин А.В. (2017) Вишеградская четвёрка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции, *Доклады ИЕ РАН № 342*, Институт Европы РАН Москва, Россия, 136 с.

References

1989: drama ozhidaniy. Demontazh kommunizma i postkommunisticheskoe tridcatiletie (2019) Gorbachev fond.

Bazsan A. (2019) Vlijaniye jevrointegracii na ekonomiku Visegradsloj gruppi, *Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал*, № 1–2.

Csaba László, Válság - gazdaság – világ. Bp., 2018.

Habarta A. (2019) Social and Economic Model of Central European States, *Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал*, № 1–2.

Jensen D. (2018) Social'no-ekonomicheskie modeli stran Central'noj Evropy: perezagruzka [SocioEconomic Models of Central European Countries: Reloading]. In: *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]*, no. 7.

Marušiak J. (2013) "Visegrad Group – an unstable periphery of the European Union?", in: Marušiak J. (ed.) *Internal cohesion of the Visegrad Group*, Publishing House of the Slovak Academy of Sciences, Bratislava, pp. 122–159.

Orbán Viktor beszéde a bársonyos forradalom harmincadik évfordulója alkalmából rendezett megemlékezésén. 2019. november 17. Prága. URL: <https://www.kormany.hu/hu/a-miniszterelnok/beszedek-publikaciok-interjuk/orban-viktor-beszede-a-barsonyos-forradalom-harmincadik-evforduloja-alkalmabol-rendezett-megemlekezésen>.

Shishelina L.N. (2006) *Rasshirenie Evropejskogo soyuza na vostok i interesy Rossii*, Nauka, Moscow, Russia.

Shishelina L.N., Gabarta A.A., Drynochkin A.V. (2017) Visegradsкая chetverka v Evropejskom soyuze: dilemmy konvergencii, *Doklady IE RAN № 342*, Institut Evropy RAN, Moscow, Russia, 136 p.

Shishelina L.N., Vedernikov M.V. (2018) *Central'naya Evropa: politicheskij portret na fone 100-letiya*, IE RAN, Moscow, Russia.

Some Results of Three Decades of Transformation in Central Europe

Author. Shishelina L., Doctor of Sciences (History), Head of Department for Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** l.shishelina@gmail.com

Abstract. In 2019, the countries of Central Europe celebrated the thirtieth anniversary of the political system change. In recent years, the analysis of events has most often been limited to the very nature of revolutions, their systemic anti-communist character, to the continuity of anti-regime actions in this part of Europe in the second half of the twentieth century. The author attempts to undertake a comprehensive analysis of the transformation processes, not only emphasizing the most significant achievements of these countries in the spheres of economy, internal and external politics, as well as inconsistency in the field of social policy and ideology, but also considering the changes from three perspectives – the point of view of Western Europe, the socio-political and economic model chosen by these countries in the late 1980s as the ultimate goal of the transformation that began after the breakdown of the old system; from the point of view of Russia, with which they once formed a single political and economic Union and from which they departed 30 years ago; and from the point of view of Budapest, Warsaw, Prague and Bratislava, which have the opportunity over the past three decades to adjust their position on a number of convergence issues. Particular attention is paid to the study of the stages of establishing a new foreign policy of the “Quartet”, its relations with the EU and Russia, taking into account the influence of the international economic and political climate on their adjustment. For the first time, an attempt is made to analyze the phenomenon of the Visegrad Group as a regional model of integration in a multicultural space, which had been formed as a single whole for a sufficiently long period of time, and afterwards divided between new subjects of statehood. The model of the Visegrad Group’s soft integration may be interesting for Russia as well as for other multicomplex states.

Key words: Visegrad Four, Visegrad Europe, transformations, reforms, international relations, bilateral relations, Hungary, Poland, Slovakia, Czech Republic.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620194856>